

Я глупая, а ты умен,
Живой, а я осталбенелая.
О, вопль женщин всех времен:
«Мой милый, что тебе я сделала?!»
И слёзы ей — вода, и кровь —
Вода, — в крови, в слезах умылася!
Не мать, а мачеха — Любовь:
Не ждите ни суда, ни милости...
(Марина Цветаева)

Вскрыла жилы: неостановимо,
Невосстановимо хлещет жизнь.
Подставляйте миски и тарелки!
Всякая тарелка будет — мелкой,
Миска — плоской.
Через край — и мимо —
В землю чёрную, питать тростник —
Невозвратно, неостановимо,
Невосстановимо хлещет стих.
(Марина Цветаева)

Куда не ткнешься в русской литературе XX века — пишешь ли о Розанове, Пастернаке, Бунине, Ходасевиче, Набокове, Ахматовой, Мандельштаме, Тарковском или Паустовском — везде вспыхивает Марина, одна из двух лучших женщин русской поэзии. Причем с Ахматовой они очень разные. У Анны Андреевны стихи сухие и строгие, будто высеченные на камне, у Марины Ивановны бешеный поток эмоций, на грани истерики. Невозможно остаться безучастным, сумела таки Марина Ивановна докричаться до человеческой души на пятьсот лет вперед — бьет наотмашь, от нее трясет, ее можно любить или не любить, но уйти от ее стихов, раз прочитав, невозможно. Писать о ней тяжело, больно. Если от личности Пастернака идет, в основном, свет, то в жизни Марины Ивановны много всякого. Она и сама это вполне понимала, откровенно писала Рильке: «Слушай, Райннер, ты должен знать это с самого начала. Я — плохая. Борис — хороший» (14.06.26). В ее жизни много несчастий, душевые страдания предельные. Только начинаешь приближаться, вникать в ее жизнь, и уже не заснуть вечером от горя, тоски, сострадания, особенно представляя заросшую лопухами Елабугу... Но Цветаева, Бунин, Ахматова, Булгаков, Набоков, Пастернак — для меня лучшее, что было в русской «несоветской» литературе времен Сталина и Хрущева. Письма и дневники Цветаевой, Пастернака — очень искренняя, глубокая, кровью выведенная скоропись кровавого, нами еще не до конца понятого XX века. Блок, Есенин, Маяковский, Платонов, Шолохов

приняли или пытались принять советскую действительность. Паустовский, Пришвин, Грин эмигрировали в пасторальность и «романтику», Бунин и Набоков уехали за границу... Марина Цветаева писала только о происходящем в ее сердце, а потому стоит особняком в космосе русской литературы: одной ногой в эмиграции, другой на русской земле — не отдав сердца режимам, вождям, идеям, захлестнувшим тогда Европу с той и другой стороны железного занавеса. И потому она для читателей ближе многих, ведь идеи, вожди, социальные строи, границы меняются, а любовь, творчество, искусство вечны. Конечно же, о себе Марина Ивановна все написала сама, абсолютно исчерпывающе, я коротко, чтобы пояснить свои мысли о ней, напомню лишь основные вехи ее сложной жизни.

Марина Цветаева родилась в Москве 26 сентября 1892 года. Домашние в детстве называли ее Мусей, у Цветаевой была младшая сестра — Ася. Кормилицей Муси стала цыганка, может еще и поэтому Марина получилась такой бешеной по характеру. Уже в четырехлетнем возрасте проявилось ее предназначение. В дневнике матери читаем: «Муся ходит вокруг меня и все складывает слова в рифмы». С детства у Муси близорукость, сильный характер, мужской ум и не женская сила, выносливость. Творческое начало всегда сочетает мужское и женское, в потасовках Муся легко справляется с мальчишками, в драке яростнокусается! С пяти лет мать, ученица Рубинштейна — в девичестве Марина Александровна Мейн, сербские, немецкие, польские предки, — учит ее музыке. Муся в детстве даже выступала на сцене как пианистка — с распущенными по плечам русыми волосами, зелеными глазами, похожими на крыжовник... Отец Марины — Иван Владимирович Цветаев, профессор Московского университета. Он читал там лекции по истории изящных (сейчас бы сказали изобразительных) искусств. А дед, по отцовской линии, был священником в селе Талицы Владимирской области. Иван Владимирович стал профессором в 29 лет, получив мировую известность диссертацией на латинском языке о древнеитальянском народе «оски». Собирая материал для диссертации, он исходил всю Италию, Болонский университет удостоил его за это докторской степени.

Умирая от опухоли желудка, отец Марины Александровны купил своим близким дом в Тарусе, где жили другие родственники, разделив между наследниками собранные за жизнь деньги. Тетя Марины и Аси (ее в семье называли Тью) поселилась в Тарусе в новоприобретенном доме, семья профессора Цветаева ездила туда на лето. Рядом в Тарусе жили те самые родственники — Добротворские. Всей семьей Цветаевы грузились в поезд на Курском вокзале, выходили на станции Ивановской (сейчас Тарусская) и «оттуда семнадцать верст... до парома (позже — до станции Ока и оттуда пароходом)» (1). Из цветаевского дома в Тарусе видна была поленовская церковка в Бехове за Окой, Иван Владимирович Цветаев иногда ездил с детьми к Поленову в гости. Василий Дмитриевич дарил каждому приятному человеку по маленькому этюду. Когда в доме тетушки Цветаевым показалось тесно, профессор стал снимать дачный дом возле Тарусы, проводя там каждый май, июнь, июль, август и часть сентября. У Марины и Аси до десяти лет было хорошее детство: уютная маленькая Таруса, тогда еще чистая Ока, заросли крапивы, друзья-сверстники, «простые «холстиновые» платья и грубые башмаки» (1). Девочки так привыкали за лето к простому сельскому быту, что начинали злиться, когда их заставляли одевать хорошие платья. Эта неприхотливость позже им очень пригодилась в жизни. Марина и Ася с матерью «ездили в Тулу на пароходе» (1). По Упе тогда еще мог проплыть пароход! Сейчас ее в некоторых местах можно перейти вброд.

Девочки любили читать, писали стихи, у Марины получалось гораздо лучше. Марина вообще была особенной, сверхдаренной, «хватала с неба звезды» (1). По утрам она играла на рояле, в десять лет уже вполне

осознанно читала взрослые книги, мамой запрещенные. Основное образование девочкам дали гувернантки и мать — она «с детства приучила нас любить и уважать евреев, рассказывала о неправде против них, о преследованиях и погромах. ...Услыхав от Иловайского слово «жид», она запретила ему произносить его при детях» (1).

Но вскоре счастливая детская жизнь Марины и Аси закончилась. Мать девочек заразилась туберкулезом, участвуя в операции, проводимой в больнице Иверской общины. Тогда участвовать в операциях было модно, образованные женщины вовсю эмансипировались, при этом старались как-нибудь послужить народу. Марина Александровна держала ногу бедняка, пораженную костным туберкулезом, которую отпиливал доктор. Для лечения хворающей жены Иван Владимирович повез всю семью в Италию. В городке Нерви, рядом с Генуей, жил модный в то время доктор Маральяно, лечащий туберкулез особой сывороткой. Мама лечилась, девочки проводили свободное время на скалах у моря, жгли со сверстниками костры, жарили рыбу, привыкали курить. В Нерви учиться девочкам было негде, их перевезли в Лозанну — в пансион Лаказ. Матери Цветаевой стало лучше, туберкулез не давал себя знать, она решила перебраться в любимую Германию, чтобы «приучать себя к северному климату» (1), а затем вернуться в Москву. Девочек перевезли в германский город Фрейбург. Марина и Ася учились в пансионе Бринк, их мать жила рядом, шел 1904 год. Увы, счастье семье Цветаевых было не суждено — Марина Александровна, возвращаясь зимой распаренной из театра, простудилась и вновь слегла, начался рецидив туберкулеза.

В 1905-м Иван Владимирович решил отправить супругу на лечение в Крым. По железной дороге Марина и Ася едут с родителями в Севастополь, осматривают город и Панораму, на пароходе плывут в Ялту и там поселяются на даче Вебера. В России начинается революция 1905 года, везде спорят о политике, с наивным восторгом ждут конституции, свободы, равенства, братства. В Москве происходит вооруженное восстание, Муся восхищается лейтенантом Шмидтом, броненосцем «Потемкиным», а ее маме всё хуже, она уже не подпускает к себе детей, не це-дует их, боясь заразить туберкулезом. Надежды на выздоровление тают, еще и двух лет не прошло со смерти Чехова, которому Ялта тоже не помогла. В российских городах прокатывается волна обысков, арестов революционеров, те в ответ начинают террор против полицейских и государственных служащих. У Марины Александровны началось кровохарканье, она таяла на глазах, говорила, поглядывая на своих девочек: «Подумать, что каждый прохожий сможет вас увидеть, а я не увижу!» (1). Надежд на выздоровление не оставалось, Иван Владимирович перевез супругу в Тарусу.

Это был июнь 1906 года, Таруса утопала в цветущей сирени, а Марина Александровна в свои 38 лет готовилась к смерти. Посреди начищенных самоваров, глиняных крынок с молоком, вазочек с яблочным вареньем, слабеющая мать давала девочкам последние наставления: «Живите по правде, дети!» (1). 5 июля 1906 она умерла. Через полтора месяца после смерти жены, в Тарусе, за обеденным столом у Добротворских, профессора Цветаева поразил инсульт. Ивана Владимира положили в клинику, трое детей одиноко жили в опустевшем доме, а Марина — в интернате. Вскоре молодую Цветаеву отчислили за вольнодумство и своеобразие. Не прижилась она и в гимназии Алферовой. В сентябре 1908 Марина поступила в шестой класс гимназии Брюхоненко, которую окончила через два года. В это время ей было 14-15 лет, однако выглядела она совсем взрослой — «большая, плотная, она носила кусы... глаза, светло-зеленые, пристальные, без очков, она часто щурила... нос с горбинкой... подбородок и рот — волевые... Красивой ее в те годы... было назвать нельзя» (1).

Без присмотра родителей Марина росла дерзкой, вовсю курила, с семнадцати лет пристрастилась к рябиновой настойке, взяв привычку

Марина Цветаева и Сергей Эфрон. Москва, 1912 г.

выбрасывать пустую бутылку прямо в форточку! Летом 1909 Цветаева самостоятельно ездила в Европу, высшее образование для женщин в России тогда было не предусмотрено. В Париже она слушала летний университетский курс по старофранцузской литературе, а уже осенью 1909 началась её литературная деятельность в Москве.

Вскоре Марина Цветаева издала первую книгу своих стихов, написанных в 15-17 лет — на толстой альбомной бумаге под названием «Вечерний альбом», посвященный памяти Марии Башкирцевой. Как ни странно, книгу сразу заметили, ее приветствовали Брюсов, Гумилев, Шагинян и Волошин, который написал в отзыве, сравнивая Марину с другими женщиными-поэтами: «...ни у одной из них эта женская, эта девичья интимность не достигала такой наивности и искренности». В конце 1910-го Волошин явился к Марине домой и, несмотря на шестнадцатилетнюю разницу в возрасте, между ними возникла искренняя дружба. Для Марини началась «эпоха Волошина». Весной 1911 Марина, отдыхая в Гурзуфе, написала Волошину теплое письмо, тот пригласил ее к себе в Коктебель.

Это была судьба. В Коктебеле у Волошиных Марина познакомится с Сережей Эфроном. Отчасти Макс и Сергей Эфрон спасли тогда Марину от преждевременной смерти. В феврале 1910 Марина покушалась на самоубийство, прямо на спектакле «Орленок» с Сарой Бернар в главной роли. Пыталась застрелиться, написав Асе прощальное письмо, но револьвер дал осечку и Марина передумала.

Весной 1911 Марина из Гурзуфа на татарской арбе поехала к Максу в Коктебель (Ася добралась сюда чуть позже) — и восточный Крым, Коктебель, Феодосия на всю жизнь стали близким, родным для Марини и Аси местом. К Волошиным приезжали молодые артисты, поэты, художники, в доме царила творческая атмосфера, отдыхать тут было совсем недорого. По словам Волошина, в его доме «ставится одно условие: каждого вновь прибывающего принимать как своего личного гостя». Молодежь здесь отдыхала, веселилась, влюблялась... Порядки в доме устанавливала мать Волошина — Елена Оттобальдовна — Пра.

Одним из гостей Волошиных той весной был Сережа Эфрон, красивый мальчик с трагической судьбой. Его родители — Елизавета Пе-

тровна Дурново и Яков Константинович Эфрон, — революционеры-народники, сторонники террора, участники организаций «Земля и Воля», «Черный Передел». Елизавета Петровна Дурново выросла на стихах Некрасова, посвятила себя революции, родив при этом девять детей. Ее старшие отпрыски тоже пошли в революцию, перенеся аресты, ссылки, преследования. К 1907 жить в России Эфрону и Дурново стало совсем невозможно — Столыпин ввел жесткие меры в отношении революционеров. Уже немолодая Елизавета Петровна бежала за границу к мужу с двенадцатилетним сыном Костей. Сергею Эфрону было в это время 14 лет, и он остался в России. В январе 1910, приехав в Париже из школы, Костя Эфрон повесился — играя, по слухам, в казнь народовольца. В ту же ночь от горя и отчаяния на том же крюке повесилась и Елизавета Петровна, хоронили ее вместе с сыном. Революция, едва начавшись, пожирала своих детей. Яков Константинович Эфрон, отец Сережи, не видел этого ужаса, скончавшись в Париже летом 1909-го. Сережа Эфрон к январю 1910 остался круглым сиротой, к тому же у него открылся туберкулез. Вполне понятно его душевное состояние весной 1911. Надломленность Сергея Эфрон Марине Цветаевой оказалась близка, она тоже была сиротой и по характеру нуждалась в мужчине ведомом, податливом. Марина и Сергей прилепились друг к другу сразу и намертво. Сергей был красивым, добрым, искренним мальчиком, на год моложе Марины. Возможно, ему слегка не хватало глубины и настойчивости, но все это было у Цветаевой. Зато у Сергея имелась галантность, предупредительность и невероятная терпимость к выходкам поэтессы. Он был не чужд искусства, хотя сильно разбрасывался — занимался в драматической студии, при случае выходил на сцену, пробовал писать, занимался искусствоведением. Он тонко шутил, был красив, порядочен, приятен в общении. А самое главное, он очень любил Марину, и дело тут было не только в физической привязности. Их любовь долго оставалась платонической даже после заключения брака, Марина много изменяла ему с другими, Сергей все терпел. Это было родство душ, они оказались необходимы друг другу как преданные брат и сестра, как два одиночества, кинувшиеся в объятья друг друга.

В феврале 1912 у Марины вышел второй сборник стихов — «Волшебный фонарь». В марте 1913 третий: «Из двух книг». Марина и Сергей поначалу жили в собственном доме в Замоскворечье. Деньги дала Тью, обитавшая в Тарусе, это был ее свадебный подарок. Зиму 1913-1914 Сергей и Марина с ребенком провели в Феодосии — Сергей экстерном сдавал здесь экзамены в гимназии. Дом в Замоскворечье они сдали в аренду, Марина как раз по этому делу в 1913-м вернулась в Москву и случайно угодила к отцовскому умиранию, смогла с отцом проститься. После похорон Марина поселилась в Ялте, куда Сергей переехал из Феодосии для лечения. Затем Цветаева перебралась из Ялты в Феодосию поближе к Максу.

С этих пор Марина и Сергей часто жили отдельно — Марина кинулась в бурю молодой чувственности. Для успешного творчества ей нужна была постоянная смена объектов любви. Вначале она увлеклась братом Сергея (тридцатилетним Петром Эфроном), но тот быстро умер от туберкулеза и этот роман миновал семью Марины сравнительно безболезненно. Марина и Сергей вернулись в Москву, Сергей поступил в Московский университет на историко-филологический факультет. В Замоскворечье жить они почему-то не захотели, сняли двухэтажную квартиру в Борисоглебском переулке в центре Москвы, возле Арбата, с выходом из квартиры на крышу. Марина продолжила свои любовные эксперименты. Она познакомилась с поэтессой Софией Парнок, на девять лет старше себя. Марине хотелось чувственного опыта, любви, страсти, а отношения с женщиной казались не такими опасными, шокирующими Сергея, как отношения с посторонним мужчиной. До революции женские влюблённости в среде аристократов и образованных считались почти безо-

бидными, даже модными, а влюбляться Марине было все равно в кого, лишь бы этот человек оказался не чужд поэзии.

У Марины имелась потребность заново влюбиться, к Сергею она уже привыкла, нужны были новые впечатления: «Я всегда боялась, что больше не полюблю, что больше ничего не узнаю». Этот роман с женщиной, тянувшийся полтора года, принес много боли Сергею и Марине. Позже она назовет эти отношения «первой катастрофой в своей жизни». Парнок, судя по ее стихам, испытывала к Марине смешанные чувства — любовную страсть и материнские чувства одновременно. То, что виделось Цветаевой вначале почти невинным развлечением, оказалось вполне греховным, тяжелым для души, опасным для семьи, делом. Цветаеву мучили совесть и чувство вины перед Сергеем, который во время Первой мировой отправился служить в санитарном поезде братом милосердия. Однако самой бросить Парнок у Цветаевой не получалось, расстались они, когда у Софии началось новое увлечение. Расставшись с Парнок в феврале 1916, Марина пишет покаянные стихи, обращенные к Сергею: «Самозванцами, псами хищными, / Я до тла расхищена. / У палат твоих, царь истинный, / Стою — нищая!»

Нохватило Марину ненадолго. Семейная жизнь с мужем казалась ей пресной — попробовав допинг свободной любви, она уже не могла, да и не хотела от него отказаться. Любовь или страстная дружба для нее теперь стали жизненной необходимостью. Имеем ли мы право винить ее?

В 1916 у Цветаевой, после романа с Парнок и короткого возвращения к мужу, началось увлечение Мандельштамом. Летом 1915 они не заметили друг друга в Коктебеле, хотя прожили рядом три недели. Но Марина была с Парнок, с нею и уехала из Коктебеля в Харьковскую губернию. По-настоящему увидели друг друга Марина и Осип в январском Петербурге 1916. Марина ходила по литературным салонам, поэты там читали друг другу свои стихи, дарили книги. Марине в это время 23 года, Осипу — 25. Мандельштам некрасив, физически недоразвит, но у него длинные, густые ресницы и большой талант. Он человечески слаб, очень странен при своем глубоком уме и блестящей образованности. Он привязан к Древней Элладе, Риму и Германии. По убежденьям он западник, Цветаева вроде бы тоже, но у нее глубинное чувство России, а Мандельштам в юности принял лютеранство, Россия для него чужая, он считает себя «римлянином» до встречи с Цветаевой. Марина захотела показать ему Москву, он приезжал к ней в первопрестольную несколько раз с февраля по июнь 1916. Цветаева относилась к нему с интересом и нежностью. Летом 1916-го Мандельштам навестил ее в Александрове, где Марина жила у сестры. Там любовь Марине показалась Осипу слишком удушающей, он сбежал от Цветаевой в Коктебель.

Тем временем Сергей Эфрон оставил санитарный поезд и появился в Москве, собираясь учиться в школе прапорщиков. Через два месяца Сергей отбыл учиться в Нижний Новгород, оставив жену беременной. Судьба у родившейся девочки была тяжелая. Марина почему-то не любила младшую дочь. Может быть оттого, что всегда мечтала о сыне и была разочарована дочерью? А может, дело в том, что Ирина оказалась менее развита, нежели Аля? Родилась она, когда матери было явно не до неё — 13 апреля 1917, меж двумя русскими революциями, перед Гражданской войной.

Марина в октябре 1917 отдохнула в Коктебеле и Феодосии, 31 октября выехала назад, в поезде узнав о революции и уличных боях в Москве. Полк Сергея защищал Кремль, Марина еще раз остро осознала, насколько любит Сергея. Она пишет мужу проникновенное письмо: «Вы беззаботны и самоохраной презгуете, потому что «я» для Вас не важно, потому что я все это с первого часа знала! Если Бог сделает это чудо — оставит Вас в живых, я буду ходить за Вами, как собака...»

Господь сохранил Сергея, уже через день после прекращения боев Цветаева с мужем, оставив дочерей с няней, выехали на юг, где начина-

ет формироваться Добровольческая армия. Марина и Сергей однозначно на стороне белых. Спустя несколько дней Цветаева вернулась в Москву за детьми, но выбраться назад уже не смогла. Страна разделилась на Север и Юг, в точности как пророчествовал Макс. Все ее близкие — Сергей, Ася, Макс, Пра — оказались на юге, она в Москве, с двумя голодными дочерьми, одной из которых суждено было погибнуть. В 1919 стало совсем худо. Квартиру ее уплотнили, в распоряжении Мариной и Али остались комната, кухня, детская и небольшой чердак — нетопленые, иногда без света. Входная дверь не запиралась, к Марине однажды вошел грабитель, но взять у нее было нечего. Дочери ее голодали, но Марина не могла себя заставить просить даже ради них! Она жила тем, что продавала свои книги, рукописи стихов. Вместе с ней в «Лавке Писателей» торговали книгами и рукописями Н. Бердяев, М. Осоргин, Б. Зайцев...

Аля помогала по хозяйству, на ней было мытье посуды, вынос мусора, уборка. При этом девочка знала многие стихи матери наизусть, все восхищались ее красотой, умом. Ирина же родилась слабой, у нее было замедленное развитие, она не ходила и едва говорила к двум годам. В конце ноября 1918-го есть детям стало совсем нечего, Марина отдала дочерей на время в приют в Кунцево, чтобы как-то пережить голодную зиму. Но приехала навестить девочек лишь через месяц, в конце декабря! Аля была при смерти, лежала с высокой температурой. Марина на попутных санях привезла ее домой, выхаживала два месяца, температура часто становилась критической. Еще и поэтому Цветаевой было не до Ирины в январе и феврале 1919-го. В комнате у нее было 4-5 градусов тепла, жизнь Али висела на волоске. Сестры Эфрон предлагали забрать Ирину к себе навсегда, Марина отдавать совсем не хотела — выходит, надеялась забрать ее назад. Но 2 февраля Ирина умерла.

После смерти Ирины Цветаевой выделили дополнительный паек, и она теперь могла накормить Алю, выходить ее. С тех пор она своих детей всегда едой пичкала — Георгий, например, был очень упитан. Смерть Ирины стала для Цветаевой шоком, как бы она к дочери не относилась. Ариадна Эфрон позже написала Антокольскому: «Иринина смерть сыграла огромную роль в мамином отъезде за границу, не меньшую, чем папино там присутствие. Мама никогда не могла забыть, что здесь дети умирают с голода». Утешала себя и мужа Марина тем, что надеялась родить сына, о котором горячо мечтала.

Цветаева жила очень тяжело, надсадно, думала о пропавшем муже и умершей дочери, а тут еще 20 ноября 1920 в Москве объявили: Гражданская война закончена, остатки Добровольческой армии сброшены в море! Все радовались и пели «Интернационал», Цветаева же была подавлена. Думая о муже, она пишет «Плач Ярославны» и цикл стихов «Разлука». Когда в феврале 1921 за границу собрался Эренбург, приятель Цветаевой, Марина попросила его найти Сергея, написала мужу письмо: «Если Вы живы — я спасена... я так давно живу в тупом задеревенелом ужасе, не смея надеяться, что живы... Все мои мысли о Вас... Если Богу нужно от меня покорности — есть, смиренния — есть, — перед всем и каждым! — но отнимая Вас у меня, он бы отнял жизнь...»

Эренбург постарался, нашел Сергея Эфрана. 1 июля 1921, впервые за 3,5 года, Марина получила от мужа долгожданное письмо: «Милый мой друг — Мариночка. Сегодня я получил письмо от Ильи Г., что Вы живы и здоровы. Прочитав письмо, я пробродил весь день по городу, обезумев от радости... Я живу верой в нашу встречу. Без Вас для меня не будет жизни, живите! Я ничего не буду от Вас требовать — мне ничего не нужно, кроме того, чтобы Вы были живы...»

Сергей Эфрон в это время находился в Стамбуле, но готовился переехать в Прагу, где открылись учебные вакансии в Карловом университете. Марина Цветаева стала собираться к мужу. Ей нужны были деньги на дорогу — она продает личные вещи, готовит к печати поэму, пьесу, поэтический сборник под названием «Версты». В ноябре 1921 Сер-

гей Эфрон едет в Прагу в товарном вагоне с множеством других белых офицеров. Правительство чешского президента Масарика предложило в 1921 русским беженцам помочь, денежные пособия, возможность учиться: в Прагу тогда устремились тысячи.

У России в то время не было прямого сообщения с Прагой, Марина выехала поездом 1 мая 1922 из Москвы в Ригу. Этот город не входил тогда в состав Советской России, но поезд туда ходил. Там Цветаева пересела в поезд «Рига-Берлин». Добравшись до германской столицы, Цветаева отправила мужу телеграмму, сама же необъяснимым образом увлеклась Вишняком («Геликоном»), малозначимым поэтом того времени. Началось все с бесед о поэзии, затем сработала обычная для Марины каталепсия влюбленности, которая исчерпалась за три недели, но эти три недели пришлись на приезд в Берлин Сергея Эфрона. Он, конечно, все понял, был страшно разочарован женой, быстро вернулся в Прагу. Цветаева в это время пишет Вишняку влюбленные письма, в переработанном виде вошедшие затем в текст «Флорентийские ночи».

Лето 1922 Марина провела отдельно от мужа в Берлине, здесь же в конце июня 1922 она получила первое письмо от Пастернака с объяснениями в любви. Пастернак прочитал ее книжечку «Версты», он обрушивается на Марину поток признаний и комплиментов. Пастернак взбоднивается в Берлин, чтобы увидеть Цветаеву и родителей, но Марина благородно уезжает в Прагу. Расставаться с Сергеем она не хочет, еще одной публичной любви на стороне их семья может не пережить.

В ноябре 1922 Марина прибывает в Прагу, здесь жить дорого, муж снимает для нее и дочери домик во Вшенорах. Творческая лаборатория Марины работала здесь на полную мощность — она пишет влюбленные письма Пастернаку, посвящает ему стихи, любовь Марины достигает такого накала, что в марте 1923 она ежеминутно ждет встречи с Борисом Леонидовичем. Вспоминая март 1923, она писала Пастернаку: «Борис, это страшно...»

Но все же одной переписки ей мало. Осенью 1923 она сближается с другом Сергея Эфрона — Константином Радзевичем. Эта любовь оказывается взаимной, что случалось редко в жизни Марины Ивановны. Любовь Цветаевой и Радзевича принесла читающему человечеству высочайшую цветаевскую лирику — «Поэму горы», «Поэму конца», — и едва не развалила семью Цветаевой и Эфрона. Параллельно Цветаева необъяснимым образом «влюбляется по переписке» с двадцатилетним критиком и поэтом Бахрахом, на которого Марина Ивановна обрушивает поток интимностей и обещаний. Испуганный юноша замолкает на месяц, это становится для Марины Ивановны очередным источником страданий. В этот период жизни Цветаева буквально «одержима» любовью, она сама признает свою одержимость в письмах и стихах. Марина Ивановна говорит в них, что ее любовь — это бескорыстная потребность души, нуждающаяся в немногом, всего лишь в наличии адресата! «Только говори со мной искренне, позволь мне говорить тебе самое главное и сам говори важное, не молчи! Тела не нужно!» — примерно так она объясняет свое чувство Бахраху. Она снова думает о самоубийстве. Всякая сильная любовь, кроме потоков творчества, приносит ей страшные мучения, приближающие смерть. Она гуляет с Радзевичем по ночной Праге, уединяется с ним в платных комнатах: «Темнейшее из ночных мест: / Мост. — Устами в уста! / Неужели же нам свой крест / Тащить в дурные места, / Туда: в веселящий газ / Глаз, газа... В платный Содом? / На койку, где все — до нас! / На койку, где не-вдвоем / Никто... Никнет начник. / Авось — совесть уснет! / (Вернейшее из ночных / Мест — смерть!)»

Ее мучит совесть за свое женское «счастье на чужих костях», одновременно Марина Ивановна потрясена и возвышена новым чувством. Хотя они совпали с Радзевичем полностью, — «с ним я была бы счастлива», напишет Цветаева позже Бахраху, — Марина Ивановна и тут несчастна!

Радзевич предлагает Марине уйти из семьи, жить с ним, но Цветаева продолжает любить и Сергея Эфрана.

В конце октября Сергей Яковлевич случайно узнает о новом романе жены. Он спрашивает у Марины Ивановны — она лгать не умеет. Сергей Яковлевич раздавлен, убит, Марина Ивановна тоже в полном отчаянии. Оба не находят себе места, Цветаева уходит из дома. Сергей Яковлевич выговаривает свою боль в письме Волошину: «М. — человек страстей. Гораздо в большей мере, чем раньше — до моего отъезда. Отдаваться с головой своему урагану — для нее стало необходимостью, воздухом ее жизни. Кто является возбудителем этого урагана сейчас — неважно. Почти всегда... все строится на самообмане. Человек выдумывается, и ураган начался. Если ничтожество и ограниченность возбудителя урагана обнаруживаются скоро, М. предается ураганному же отчаянию. Состояние, при котором появление нового возбудителя облегчается. Что — неважно, важно как. Не сущность, не источник, а ритм, бешеный ритм. Сегодня отчаяние, завтра восторг, любовь, отдавание себя с головой — и через день снова отчаяние. И все это при зорком, холодном (пожалуй, даже вольтеровско-циничном) уме. Вчерашние возбудители сегодня остроумно и зло высмеиваются... Все заносится в книгу. Все спокойно, математически отливается в формулу. Громадная печь, для разогревания которой необходимы дрова, дрова и дрова. Ненужная зола выбрасывается, качество дров не столь важно. Тяга пока хорошая — все обращается в пламя... Нечего и говорить, что я на растопку не гожусь уж давно. Когда я приехал встретить М. в Берлине, уже тогда почувствовал сразу, что М. я дать ничего не могу. Несколько дней до моего прибытия печь была растоплена не мной. На недолгое время. И потом все закрутилось снова и снова. Последний этап — для меня и для неё самый тяжкий — встреча с моим другом по Константинополю и Праге, человеком ей совершенно далеким... Мой недельный отъезд послужил внешней причиной для начала нового урагана. Узнал я случайно... Нужно было каким-то образом покончить с совместной нелепой жизнью, напитанной ложью, неумелой конспирацией и прочими ядами... Последнее сделало явным и всю предыдущую вереницу встреч. О моем решении разъехаться я и сообщил М. Две недели она была в безумии. Рвалась от одного к другому (на это время она переехала к знакомым). Не спала ночей, похудела, впервые я видел ее в таком отчаянии. И наконец объявила мне, что уйти от меня не может... Быть твердым здесь — я мог бы, если бы М. попала к человеку, которому я верил. Я же знал, что другой (маленький Казанова) через неделю М. бросит, а при Маринином состоянии это было бы равносильно смерти. М. рвется к смерти. Земля давно ушла из-под ее ног. Она об этом говорит непрерывно... Она вернулась. Все ее мысли с другим. Отсутствие другого подогревает ее чувства. Я знаю, — она уверена, что лишилась своего счастья... сейчас живет стихами к нему. По отношению ко мне слепота абсолютная. Невозможность подойти, очень часто раздражение, почти злоба. Я одновременно и спасательный круг и жернов на шее... Жизнь моя сплошная пытка. Я в тумане. Не знаю, на что решиться. Каждый последующий день хуже предыдущего. Тягостное одиночество вдвоем... Каждый час я меню свои решения. Может быть, это просто слабость моя? Не знаю. Я слишком стар, чтобы быть жестоким, и слишком молод, чтобы, присутствуя, отствовать. Но мое сегодня — сплошное гниение... Она уверена, что, сейчас жертвенно отказавшись от своего счастья, кует мое... если бы ты знал, как это запутанно тяжко... Все вокруг меня отравлено. Ни одного сильного желания — сплошная боль.... Потеря тем страшнее, что последние годы мои... я жил более всего Мариной. Я так сильно и прямолинейно, и незыблемо любил ее, что боялся лишь ее смерти. М. сделалась такой неотъемлемой частью меня, что сейчас, стараясь над разъединением наших путей, я испытываю чувство такой опустошенности, такой внутренней изодранности, что пытаюсь жить с зажмуренными глазами...» Добавить

тут нечего. Сергей Яковлевич все же решил не расставаться с женой полностью, но жить чаще поврозь, чтобы уменьшить свои мучения.

1 февраля 1925 еще во Вшенорах, до переезда семьи в Париж, у Цветаевой и Эфрана родился сын Георгий. О сыне Цветаева мечтала страстно всю жизнь, теперь ее мечта осуществилась, Георгий стал главной любовью Мариной Ивановны. Он был похож на нее больше, чем дочери, иногда его называли в шутку «Марин Цветаев». После рождения сына Марина Ивановна и Сергей Яковлевич решили уехать из Чехии. Студенческая стипендия Эфрана заканчивалась через три месяца после дипломной сессии, найти в Праге работу по специальности Сергею Яковлевичу было невозможно, ведь он оканчивал философский факультет! Кроме того, с 1925 года началась новая волна переселения русских эмигрантов — теперь все двигались в Париж: люди, русские капиталы, редакции русских газет и журналов. Марина Ивановна устала от Вшенона, их провинциальной замкнутости. 31 октября 1925 Марина Ивановна выехала из Праги.

В Париже она поселилась вначале в трехкомнатной квартире Черновых. Туда же к Рождеству Христову приехал Сергей Эфрон. Марина Ивановна, живя с мужем и детьми в небольшой комнате, умудрялась работать! На 6 февраля 1926 года назначили первый литературный вечер Цветаевой в Париже. Вечер прошел триумфально, такого успеха больше никогда не было! Сработал эффект новизны, многие хотели впервые увидеть модную поэтессу. Эфрон писал позже в Прагу: «толпа осаждала несчастного кассира, как на Шаляпина... После этого число Марининых недоброжелателей здесь чрезвычайно выросло».

Давно желая увидеть Атлантику, Марина Ивановна отправилась с детьми на берег океана в провинцию Вандея, местечко Сен-Жиль. Перед отъездом в Вандею Цветаева опубликовала в Париже критическую статью «Поэтом о критике», будто специально наживая себе врагов. В статье она пишет об Адамовиче: «критик-дилетант», «критик-чернь». Об Антоне Крайним (Зинаиде Гиппиус): «Гиппиус, говоря о Пастернаке, демонстрирует не отсутствие доброй воли, а наличие злой». Марина Ивановна отвергает и топчет всех, кто не принимает ее творчества, кто примешивает к поэзии политику. Естественно, после такого выступления в печати на Цветаеву набросились. Впрочем, ее и раньше много критиковали. Когда в Европе вышел журнал «Версты» со стихами Цветаевой и Пастернака, многим эмигрантам не понравилось «просоветское» направление журнала. Говорили, что «вместо поднятого над журналом красного флага надо повесить красный фонарь. Тогда сразу бы многое объяснилось...» О Марине Цветаевой нечего говорить. Она-то, во всяком случае, на своем месте» (Злобин). Марину Ивановну обвиняли в «домашней бесцеремонности», «она приходит в литературу в папильотках и в купальном халате, как будто бы в ванную комнату пришла» (Яблоновский), «истерическая стремительность» (Гиппиус), «духовное пустоурение» (Струве), «провинциальные интимности» (Осоргин), «пишет о вечно бабьем», «кликушеская проза» (Адамович).

Критики Цветаевой были неправы — именно ее стихи оказались главным прорывом тогдашней эмигрантской поэзии, новым словом в литературе. Цветаева полностью разрушила барьеры между поэтом и читателем. Вместо стихов о выдуманной «прекрасной dame», героях древнегреческих мифов, она пишет о себе с предельной эмоциональностью, искренностью. Та же интимность принесла успех Бунину с «Жизнью Арсеньева» и «Темными аллеями», Набокову с «Лолитой» и «Адой». Во второй половине XX века творчество без условностей и барьера стало наиболее востребованным. Гиппиус, Мережковского, Адамовича, даже Блока и Маяковского сейчас читают меньше, нежели Бунина, Набокова, Цветаеву. Но тогда в Париже стихи Цветаевой почти не публиковали, она вынужденно перешла на прозу. Своим критикам она вскоре перестала отвечать, выговаривалась в письмах только самым близким.

Наступал 1926 год, когда переписка Цветаевой, Пастернака и при соединившегося к ним Рильке, выросла в небывалый феномен поэтической дружбы-любви, не поврежденной постелью. Им всем нужна была творческая близость, взаимное восхищение и поддержка, из которых у Цветаевой и Пастернака рождались образы, темы, стихи, поэмы: «Расстояние: версты, дали... / Нас расклиели, распаяли, / В две руки развели, распяя, / И не знали, что это — сплав / Вдохновений и сухожилий...»

Родная душа в холодном и жестоком мире — это ведь так много! Все трое были очень близки по масштабу таланта, это помогало восхищаться друг другом, ведь настоящая дружба возможна лишь между равными. Кульминацией отношений Цветаевой с Пастернаком, Рильке стали весна и лето 1926. В марте 1926 заочная влюбленность Цветаевой и Пастернака достигает своего пика. Прочитав цветаевскую «Поэму конца» Пастернак чувствует глубочайшее духовное родство с Мариной. И тут к переписке присоединяется Рильке. Пастернак-отец поздравил австрийского поэта с юбилеем, тот в ответ похвалил поэтический талант Пастернака-сына. Отец радостно сообщает эту похвалу в письме сыну, Пастернак посыпает в ответ письмо Рильке, полное любви и почтения, предлагая связываться через Цветаеву.

Получив письмо от европейского классика, Цветаева поражена в самое сердце. В своем воображении Цветаева вскоре превратит умирающего Райнера в поэтическое божество. В результате мы получили переписку трех гениальных поэтов — Пастернака, Цветаевой, Рильке, — небывалую по глубине и наполненности. Общение с Рильке привело Цветаеву в пограничное, экстатическое состояние. Ее письма к Рильке — лирические стихи в прозе. Уже одними этими письмами Цветаева могла бы остаться в истории мировой литературы.

После смерти Рильке в самом конце 1926 года, Цветаева возобновляет переписку с Пастернаком. Ее поэтическая биохимия снова настраивается на лучшего российского поэта, Цветаева пишет ему в декабре 1929: «Ты моя последняя надежда на всю меня, ту меня, которая есть и которой без тебя не быть». Теперь Марина Ивановна опять мечтает о встрече с Борисом Леонидовичем, которой раньше всячески избегала. Но встречи на высоте чувства не случилось, а к 1931 это Цветаевой уже не нужно: Борис Леонидович выбрал для жизни другую женщину, такого «предательства» Цветаева простить ему не смогла. Последующая встреча с Пастернаком (1935 год) на Антифашистском конгрессе в Париже была уже запрограммированной «невстречей», пользуясь терминологией Цветаевой. Тогда Борис Леонидович прибыл в Париж по приказу Сталина, находясь в тяжелой депрессии — он ревновал горячо любимую жену к ее прошлому, на ревность накладывались бытийные и творческие проблемы, тяжкие изменения духовного климата в СССР. Поначалу в Париже он больше лежал, рядом с ним находилась Ариадна Эфрон — на тот момент смешливая, милая девушка. И Пастернак понемногу оттаял, начал ходить по магазинам, выбирая для жены и Цветаевой одинаковые подарки. Марину Ивановну это еще больше разозлило! Она ведь придумала себе Пастернака, в своем воображении видела его богатырем, который в одиночку противостоит советской системе, а тут увидела Бориса Леонидовича испуганным и подавленным: «Борис Пастернак, на которого я годы подряд — через сотни верст — оборачивалась, как на второго себя, мне на Писательском Съезде шепотом сказал: — Я не посмел не поехать, ко мне приехал секретарь Сталина, я — испугался» (в письме подруге).

Милые, наивные Марина Ивановна, Сергей Яковлевич, Аля — лучше бы вам тоже испугаться, как Борису Леонидовичу, и повременить с возвращением на родину! Может, остались бы живы? Ломоносова, тоже видевшая Пастернака в июле 1935, поняла его гораздо лучше. Она писала мужу: «Позавчера приехал Пастернак с группой других. Он в ужасном морально-физическом состоянии. Вся обстановка садически-нелепая. ... Жить в вечном страхе! Нет, уж лучше чистить нужники».

Марина Ивановна чистить французские нужники не хотела, служить тоже: «уж лучше повеситься». При этом она легко ссорилась даже с теми, кто старался ей помочь! Марина Ивановна и Сергей Яковлевич сами рубят сук, на котором сидят, приближая возвращение в Россию, которой они совсем не понимают, для которой они теперь чужие! А в Париже на первых порах множество людей ценило Марину Ивановну и старалось помочь. Саломея Николаевна Андроникова-Гальперн с 1926 по 1934 ежемесячно посыпала Цветаевой «иждивение», которое составляли ее собственные 300 франков и еще 200-300 франков, собранные у знакомых. Саломея Николаевна дарила Марине Ивановне обувь, одежду, мебель, хлопотала об устройстве ее французских дел, искала работу для Али, распространяла билеты на цветаевские вечера. Святополк-Мирский несколько лет присыпал Эфронам деньги на квартиру. Постоянно помогала А.А. Тескова. Несколько лет дарила небольшие суммы никогда не видевшая Цветаевой Ломоносова, через нее же два раза передавал деньги Пастернак. Старались помочь Марк Слоним, М.Н. Лебедева, А.З. Туржанская, А.И. Андреева... В 1933-1934, по инициативе Извольской, был организован «Комитет помощи Марине Цветаевой», в него входили Н. Бердяев, М. Осоргин, М. Алданов... Кое-какие деньги переводил Марине Ивановне «Союз писателей и журналистов в Париже». Конечно, средств катастрофически не хватало, но в тогдашней России Сергея Яковлевича и Марину Ивановну ждала смерть.

Впрочем, они не знали своего будущего. СССР был на подъеме, коммунистические идеи выглядели еще привлекательно, Сергей Яковлевич Эфрон кардинально поменял свои убеждения, решил послужить обновившейся родине. Еще в 1925-м он писал о возвращении в Советскую Россию: «...возвращение для меня связано с капитуляцией. Мы потерпели поражение благодаря ряду политических и военных ошибок, м.б. даже преступлений... Но то, за что умирали добровольцы, лежит гораздо глубже, чем политика. И эту свою правду я не отдаю даже за обретение родины. И не страх перед Чекой меня... останавливает, а капитуляция перед чекистами — отказ от своей правды. Меж мной и полпредством лежит препятствие непереходимое: могила Добровольческой армии...»

В 1931 Сергей Яковлевич отказывается от прежней правды, перешагивает через могилу Добровольческой армии — скорее всего, расплатой за это и станет гибель почти всей семьи Цветаевой и Эфрана. Согласно показаниям Сергея Яковlevича на московских допросах 1939-го, с 1931 он стал секретным сотрудником советской внешней разведки, выполнял рискованные поручения. Докладывал советскому резиденту о настроениях «евразийцев», помогал организовывать слежку за сыном Троцкого Седовым, вербовал среди русских эмигрантов людей для испанских «Интербригад», вроде бы и сам успел немного повоевать там, участвовал в ликвидации сбежавшего на Запад сотрудника советских спецслужб. Вершиной его опасной работы стало именно убийство невозвращенца, бывшего чекиста Игнатия Рейсса в Швейцарии 5 сентября 1937 года.

15 марта 1937 Ариадна получила советский паспорт и уехала на родину. Теперь она писала родителям письма, где рассказывала, как в СССР хорошо: «простор, воздух, свет»! Если бы Ариадна знала, что через два года следователи МГБ станут бить ее резиновыми дубинками, запирать голую в карцер, что ее после будут насиловать в лагере... Если бы Сергей Яковлевич мог предположить, что его ждут многомесячные допросы, он попадет в тюремную психбольницу и окончит жизнь расстрелом в Орловском централе... Издали родная страна выглядела прекрасно: новая индустриальная держава, успехи в колхозном строительстве, науке и культуре, за этой страной будущее! Вот только человеческая жизнь в Советской России тогда совсем ничего не стоила. В Европе царило предвоенное ожесточение, все мягкие правительства и государственные деятели уходили с исторической сцены, успешно действовали только сверхжесткие лидеры — Гитлер, Черчиль, Рузвельт, Муссолини, Кемаль.

Возможно, СССР не только выжил в 40-х, но и победил в чудовищной войне против всей Европы во многом благодаря сверхжесткой политике Сталина, который, не теряя малейших возражений, физически уничтожал всех несогласных или просто подозреваемых в этом. Только вот Цветаевой и Эфрону было от этого не легче.

Смерть стала дышать в спину Эфрону, когда Сергей Яковлевич провалился как секретный агент. В парижских газетах появились статьи, утверждающие, что Сергей Эфрон причастен к убийству чекиста-невозвращенца Игнатия Рейсса и, возможно, к исчезновению председателя русского Общевоинского Союза (РОВС) генерала Е.К. Миллера, похищенного советскими спецслужбами в январе 1930. Эфрана вызывали в парижскую полицию на допрос, после которого Сергей Яковлевич ушел на нелегальное положение. Вместе с ним внезапно исчезли все участники убийства Рейсса, это было подтверждением их провала. Сергей Яковлевич решил тайно эвакуироваться в СССР, Марина Ивановна вместе с Муром провожала его на машине в портовый Гавр, где стояли советские пароходы. В районе Руана Сергей Яковлевич, предполагая слежку, вышел из машины, чтобы добираться дальше самостоятельно. Марину Ивановну тоже вызывали во французскую полицию, она вела себя так странно (читала полицейским свои стихи), что ее отпустили. На допросе она говорила о муже: «Это самый честный, самый благородный, самый человечный человек. Но его доверие могло быть обмануто. Мое к нему — никогда».

Жить Марине Ивановне и Муру во Франции стало невыносимо. Сначала их заставили съехать с квартиры, Мура третировали в школе, литературные заработки Цветаевой прекратились, эмигрантское общество от них отвернулось полностью. Марина Ивановна жила с сыном на квартире людей, близким к советским спецслужбам, получая в конверте деньги от Сергея Яковлевича. Цветаева готовилась к отъезду — разбирала архивы, паковала вещи. А тут еще войска Германии вторглись в Чехию. Марина Ивановна была подавлена, угнетена — разочаровалась в Германии, жалела Чехию, боялась за Мура, предполагая, что война придет и во Францию. Мироздание в ее глазах окончательно пошатнулось и пошло трещинами. Ее любимая Европа будто сошла с ума, земля на глазах разверзлась могилами, жадно требуя кровавого подношения. Весной 1939 Цветаева написала страшное стихотворение: «О черная гора, / Затмившая — весь свет! / Пора — пора — пора / Творцу вернуть билет. / Отказываюсь — быть. / В Бедламе нелюдей / Отказываюсь — жить. / С волками площадей / Отказываюсь — выть. / С акулами равнин / Отказываюсь плакать — / Вниз — по течению спин. / Не надо мне ни дыр / Ушных, ни веющих глаз. / На твой безумный мир / Ответ один — отказ».

Это был конец, после таких стихов долго не живут. Душа Марины Ивановны, по сути, сгорела. Когда такое случается, какая разница, где доживать немногие оставшиеся месяцы? Вскоре после этого стихотворения Марина Ивановна и Мур уехали в Россию. Их никто не провожал.

18 июня 1939 пароход прибыл в Ленинград. На поезде Марина Ивановна и Мур доехали до Москвы, где поселились на летней даче НКВД в подмосковном Большеве. Дачу делили Сергей Яковлевич с Алей и семья такого же парижского агента Клепинина, тоже вернувшегося из-за границы. Эфрон и Клепинин получали хорошие пенсии, все выглядело прекрасно — государство платит своим провалившимся на Западе агентам, предоставляя им жилье и обеспечение. У Марины Ивановны и Сергея Яковлевича случился последний хороший месяц в их жизни.

10 октября 1939 ночью в Большеве арестовали Сергея Яковлевича. Сейчас протоколы его допросов открыты. На первом он рассказывает о своей службе санитаром в годы первой мировой войны, об актерской деятельности в Камерном театре, участии в белом движении, об эвакуации в Турцию с частями белой армии, о лагере в Галлиполи (следователь

плохо образован и ни разу не слышал о Галлиполи, пишет в протоколе о «Гампорижском» лагере), о своей жизни в Праге, где он был организатором «Демократического союза русских студентов», издавал журнал «Своими путями» (на средства министерства иностранных дел Чехословакии). Эфрон говорит, что к середине 20-х разочаровался в белом движении, искал «третий путь» и нашел его в евразийстве.

Что удивительно, болезненный и внешне мягкий Эфрон отказывается оговаривать себя и близких! К Сергею Яковлевичу, конечно, тоже применяют избиения и пытки, показывают бумаги, где против него свидетельствует дочь! Психика Сергея Яковлевича не выдерживает, 7 ноября 1939 его помещают в психиатрическую больницу, где он делает попытки покончить с собой. У него слуховые галлюцинации, ему очень страшно, мучит ужас происходящего, он волнуется за жену и сына, но 9 декабря допросы возобновляются. Ему делают очные ставки с Павлом Толстым, Эмилией Литауэр, Николаем Клепининым — соседом по Болшево. Бывший агент ГПУ в Париже Клепинин к этому времени подтверждает все, что скажут следователи, а Эфрон всё отпирается, говорит, что с 1931 года ничего антисоветского не делал, так как начал сотрудничать с «органами НКВД в Париже»: «я был их секретным сотрудником». Эфрон подробно выспрашивает Клепинина, в чем же тот его обвиняет? Но сам свидетельствовать против себя и других отказывается! «Пусть меня изобличают мои друзья, — говорит он, — сам я ничего сказать не могу» (5). Духовный стержень в Сергея Яковлевиче несгибаемый, он не был слабым человеком, его так и не смогли заставить оговорить себя, хотя пытать в Лефортово умели. Крики пытаемых в Лефортовской тюрьме заглушала день и ночь работающая во дворе аэродинамическая труба. Подвело Сергея Яковлевича не отсутствие духовного стержня, нет, скорее внушаемость, зависимость от чужого мнения, идеализм. Расстреляли Сергея Яковлевича Эфрон 16 октября 1941 года в Орловском централе, когда немцы быстро приближались к Орлу. Марины Ивановны Цветаевой уже шесть недель не было в живых, Аля находилась в лагере. Но пока еще до лета 1941 Марина Ивановна цеплялась за жизнь ради Мура, хотя душевных сил у нее почти не оставалось. Да и кто из нас мог бы такое выдержать? Творческая лаборатория Цветаевой все еще по инерции работает, душа живет — в августе-сентябре 1940-го Марина Ивановна привязывается душой к Николаю Николаевичу Вильмонту, родственнику Пастернака, который работал тогда в журнале «Интернациональная литература». Он устраивает ей на лето комнату в университетском доме, публикует ее переводы в своем журнале, выплачивает хоть какой-то гонорар. Он специалист по немецкой литературе, переводчик. Марина Ивановна говорила, что Вильмонт похож на Рильке. Он сердился, московский интеллигент, в котором смешалась кровь французов, поляков, немцев, шотландцев, русских — близорукий, рассеянный, полноватый блондин с голубыми глазами и тонким голосом, большой эрудит и знаток поэзии.

В это время Цветаева каждый день ходит в Литфонд, который находился тогда в здании сегодняшнего Литературного института им. Горького на Тверской улице. А до Литинститута здесь был ресторан, описанный Булгаковым в романе «Мастер и Маргарита», редакция журнала «Знамя» и Литфонд. Марина Ивановна ходит сюда, стараясь надоесть, чтобы ей дали жилье. Марине Ивановне предлагают квартиру семьи, которая уезжает на Север. Нужны были деньги, чтобы уплатить 2500 рублей на год вперед. Эти деньги собирали знакомые, в том числе Зинаида Николаевна Пастернак в Переделкино. Марину Ивановну временно прописали на Покровском бульваре, дом 14/5 в квартире 62. Она уже не в силах создавать дома уют. В квартире голая лампочка свисает с потолка, натянуты две веревки, на которых полотенца, тряпки, а на столе — банки, недоеденные Муром макароны. В сентябрьские дни 1940-го у Цветаевой перестают принимать деньги для мужа, 30 сентября открыв-

то заявляют, что он больше «не числится!» Бедная Марина Ивановна в шоке, от страха «у меня так стучали зубы, что я никак не могла попасть на «спасибо» (в письме Елизавете Яковлевне Эфрон).

Личная жизнь для постаревшей Мариной Ивановны уже затруднена, но привязанности в ее сердце возникают. Она обижается на Арсения Тарковского, когда тот в своих стихах — «Я стол накрыл на шестерых», — не упоминает о ней: «Я стол накрыл на шестерых...» / Все повторяю первый стих / И все переправляю слово: / — «Я стол накрыл на шестерых...» / Ты одного забыл — седьмого.... Ей нужна не постель, просто игра воображенья, чтобы чем-то заполнить пустоту в сердце. Неважно, что Тарковский на пятнадцать лет моложе. Она говорит друзьям: совсем не важно с кем роман — с мужчиной, женщиной, ребенком, дело совсем не в сексе. Роман может быть с книгой — главное, чтобы в душе не было «пугающей пустоты». Так душа у Цветаевой устроена, да и у всех нас тоже. Просто Марина Ивановна более непосредственна — могла позвонить Тарковскому ночью, вызвать на улицу, чтобы «отдать платок». Жена Тарковского злилась и ревновала, говорила, что Цветаева чернокнижница и знает наговор, может закодировать мужчину — у нее, мол, колдовские зеленые глаза. Между тем, к 1940-му Марина Ивановна уже седа и некрасива, но душа у нее осталась по-прежнему молодой, таково свойство поэтов. Она говорила Тесковой в 1936-м: «Мне все еще нужно, чтобы меня любили: давали мне любить себя: во мне нуждались — как в хлебе». Последний ее выдуманный роман с Тарковским закончился весной 1941 — молодой поэт не подошел к ней поздороваться на книжном базаре и она обиделась.

Когда началась война, Марине Ивановне стало еще хуже — она теперь очень боялась за Мура, ведь тот лазил на крышу со взрослыми гасить зажигательные бомбы, в эвакуацию уезжать не хотел, из-за этого ониссорились. Цветаева хотела эвакуироваться, не верила, что России удастся противостоять немцам, которые захватили уже почти всю Европу. Говорила Л.К. Чуковской незадолго до своей смерти: «Да разве вы не понимаете, что все кончено? И для вас, и для вашей дочери, и вообще». «Что — все?» — уточняла Чуковская. «Вообще все! Ну, например, Россия!» Цветаева хотела бежать из Москвы на восток еще и потому, что боялась, вдруг ее заподозрят в симпатии к немцам, ведь она училась в Германии, много писала о своей приязни к немецкой культуре. Марина Ивановна опасалась, что ее арестуют, хотела уехать с Муром в глушь, подальше от московских НКВД-МГБ, которые забрали ее мужа и дочь. Мур категорически не хотел уезжать из столицы, он уже год проучился в московской школе, только нашел приятелей — и тут за него снова все решили, как за маленького. Мур был, конечно, прав, уезжать не стоило. В Москве для Цветаевой имелось больше возможностей выжить, здесь ее знали и ценили, здесь находились Пастернак, Вильмонт, Тарковский. Но Цветаева всегда сама строила свою судьбу, не теряя ничегоего вмешательства в свои намерения и планы. Пастернак и Боков посадили Цветаеву и Муру на пароход. Плыли в Еладугу Цветаева и Мур в тяжелом настроении. По контрасту с Парижем и Москвой русская провинция выглядела ужасно — грязь, нет архитектуры, культурной жизни, творческой среды, общения, Муру негде учиться. Мур категорически требовал от матери переезд в Чистополь, где обосновались эвакуированные писатели. Ради него Цветаева поехала искать место в Чистополь, вроде бы договорилась о переезде, хотя Тренев был против, но дело решил последний конфликт с Муром. Он сказал в запале ссоры страшные слова — мать ему не нужна, им вместе не жить: «Ну, кого-нибудь из нас вынесут отсюда вперед ногами!» Сын упрекал мать — не умеет в жизни устроиться и только мешает ему! Она спросила: «Так что же, по-твоему, мне ничего другого не остается, кроме самоубийства?» И он ответил: «Да, по-моему, ничего другого вам не остается!» Смысл жизни для Мариной Ивановны был окончательно потерян, а умереть она давно хотела и только Мур держал

ее на земле. Она множество раз говорила в письмах и стихах, что хочет умереть, что это случится скоро. После того, как сын почти предложил ей самоубийство, уже ничто не стояло между ней и смертью.

И она заторопилась 31 августа 1941 года, когда все ушли из дома Бродильщиковых, где они с Муром снимали закуток. В этот день тех, кто мог, позвали на расчистку земляной площадки под аэродром в Елабуге, обещали выдать по буханке хлеба. От Бродильщиковых, у которых жили Цветаевы, пошла хозяйка, от Цветаевых — Мур. Собрался на рыбалку с внуком и хозяин домика. Оставшись одна, Марина Ивановна села писать записки: «Мурлыга! Прости меня, но дальше было бы хуже. Я тяжело больна, это уже не я. Люблю тебя безумно. Пойми что я больше не могла жить. Передай папе и Але — если увидишь — что любила их до последней минуты и объясни, что попала в тупик». «Дорогие товарищи! Не оставьте Мура. Умоляю того из вас, кто может, отвезти его в Чистополь к Н.Н. Асееву. Пароходы — страшные, умоляю не отправлять его одного... Я хочу, чтобы Мур жил и учился. Со мною он пропадет. Адр. Асеева на конверте. Не похороните живой! Хорошенько проверьте». Написала записку Асееву и его жене Оксане, в девичестве Синяковой: «Дорогие Николай Николаевич! Дорогие сестры Синяковы! Умоляю Вас взять Мура к себе в Чистополь — просто взять его в сыновья — и чтобы он учился. Я для него больше ничего не могу и только его гублю... В сундучке несколько рукописных книжек стихов и пачка с оттисками прозы. Поручаю их Вам, берегите моего дорогого Мура, он очень хрупкого здоровья. Любите как сына — заслуживает. А меня простите — не вынесла. МЦ. Не оставляйте его никогда. Была бы без ума счастлива если бы он жил у вас. Уедете — уведите с собой. Не бросайте». Она считала Асеева своим другом... Он, будучи на тот момент писательским «начальником», вроде бы ценил Цветаеву, сыпал комплиментами при встрече — «гениально, потрясающе, какой талантище»! Женой у него была Оксана Синякова, когда-то девушка из поэтического салона, где часто гостили Асеев, Цветаева, Маяковский, Крученых, Пастернак... Марина Ивановна в Праге и Париже сохранила душу почти прежней, не понимая, что жизнь в Москве давно изломала и ожесточила многих — в том числе Асеева, Синяковых. Оксана уже не ходит по лесу в хитоне, как прежде — она лихорадочно заготавливает дрова и продукты, Асеев болен туберкулезом, вокруг война, в Москве люди умирают от голода, надо как-то продержаться первую военную зиму, которая обещала быть очень тяжелой. Мур в этой ситуации для Асеевых был ненужной обузой...

Написав записки, Марина Ивановна замотала ручку двери веревкой, не стала запирать её на щеколду, чтобы хозяевам не пришлось ничего ломать. Надела торопливо приготовленную петлю, укрепила её на толстом гвозде, вбитом в сennую балку. Встала на табурет — как была в фартуке с большим карманом, — перед уходом хозяев она жарила на сковороде рыбу для Мура. Накинула петлю на шею, шагнула с табурета... Плакала она перед этим? Молилась? Просила у Господа прощения? Если бы она выбралась с Муром в Чистополь! 10 октября туда приехал Пастернак, немного помог бы Асеев, все бы устроилось! В ноябре-декабре 1941 немцев отбросили от Москвы, и у Марины Ивановны появилась бы надежда на победу! Но Марина Ивановна не дождалась перемен, все несчастья свалились на нее сразу, а поддержать было некому...

Началась жизнь без Цветаевой. Мур какое-то время жил у товарищей в Елабуге, затем поехал в Чистополь. Держался внешне спокойно, говорил про самоубийство матери: «Марина Ивановна поступила логично, правильно сделала, у нее не было другого выхода». Эту фразу он повторит много раз в письмах и разговорах, приводя в ужас собеседников и адресатов. Асеевы жить у себя Муру не разрешили — продукты дороги, а Мур избалован, эгоистичен, предельно чужд. Мур оказался в Москве, но 11 октября там началась паника и массовая эвакуация. Многих пи-

сателей отправили в Ташкент, Мур тоже выехал туда на поезде. Жил он там трудно — похудел, износился, болел рожистым воспалением ног. До него стало доходить — без своей гениальной матери он совсем никому не нужен. Из Ташкента он пишет в одном из писем: «Самое тяжелое — одинокие слезы, а все вокруг удивляются — какой ты черствый и непроницаемый» (6). Он все же продолжал надеяться, что станет большим писателем, как мать. Поступил в Литературный институт имени Горького, но Господу он уже не интересен — не выдержал испытания на человечность. Его призвали на фронт, ранили в бою 7 июля 1944 под деревней Друйка в Прибалтике, отправили в медсанбат. Мур скончался вскоре после ранения, место захоронения его сейчас обнаружено — братская могила возле деревни Друйка, теперь там есть памятный знак с его фамилией.

Аriadну Эфрон работники репрессивной системы обвинили в шпионаже, дали 59-ю статью — «подозрение в шпионаже», 8 лет лагерей. Она прошла через такое, что даже в голодном Париже показалось бы хуже ада.

Освободившись из лагеря после смерти Сталина, она зарабатывала переводами Бодлера, Верлена, Готье, Арагона, пробивала издание стихов и прозы матери, переводила ее французские тексты. На гонорары купила кооперативную квартиру по улице Аэропортовой. Вместе с лагерной подругой Адой Шкодиной построила домик в Тарусе на узком куске земли, которую в 1956-м выделила ее тетка Валерия Ивановна Цветаева по адресу: Таруса, 1-й Дачный, дом 15. Участок был крошечный, метра 3 в ширину, домик получился тоже маленьkim, он едва был виден летом в зарослях флоксов и георгинов. С теткой Валерией отношения у Аriadны Сергеевны не сложились, ониссорились и судились.

Понемногу в СССР стали выходить книги Марины Ивановны — в 1961 первая книжечка стихов, в 1965 синий том в серии «Библиотека поэта», в 1967 книга переводов «Просто сердце» и «Мой Пушкин». Стихи Марины Ивановны говорили сами за себя, благодаря этим книгам Цветаева стала известной не только поэтам и старой интеллигенции, но и широкому кругу советских читателей. Книги Цветаевой стали печатать, издаваться массовыми тиражами, при этом их все равно не хватало. В букинистических магазинах 70-х, 80-х их спрашивали постоянно, ее книги котировались по самому высшему разряду, став необходимостью для многих. Немудрено, что Аriadну Сергеевну в Тарусе начали одолевать почитатели. На месте цветаевского дома с наклонной крышей, где на втором этаже когда-то жили девочками Марина и Ася, к тому времени остался лишь фундамент, залитый бетоном — сюда и приезжали экскурсионные автобусы. В том-же доме, кстати, в 1905 поселился художник Виктор Эльпидифорович Борисов-Мусатов, тут он и скончался. После войны здесь был Дом отдыха, строение понемногу ветшало, денег на ремонт так и не выделили, в 1966-м развалины разобрали на бревна, а фундамент залили бетоном под танцплощадку. «Народ валом валил, — рассказывала о лете 1974 Аriadна Сергеевна. — Гости шли в одиночку, попарно, повзводно, туристы — поавтобусно. Спасенья нет!» (6)

В Тарусе теперь мало что осталось от прежнего солнного городка, тихого пристанища поэтов и художников. Неподалеку гудит дорога, Ока загрязнена, от нее плохо пахнет, в ней опасно купаться. Осталось только небо и земля, в которых дорогие для пишущих и читающих души и kostи Паустовского, Аriadны Эфрон и многих еще из тех, кто был связан с Цветаевой. От могилы Аriadны Эфрон видна Беховская церковь, серебряная лента Оки... Аriadна Сергеевна умерла в июле 1975 от инфаркта в тарусской больнице, похоронена на тарусском кладбище, на ее надгробном камне надпись: «Аriadна Сергеевна Эфрон. Дочь Марины Цветаевой и Сергея Эфрана, погибших в 1941 году».

После смерти Аriadны Сергеевны оставалась еще жить сестра Марины Ивановны — Анастасия Ивановна Цветаева. Она прожила сложную

и долгую жизнь. В апреле 1933 ее арестовали за связь с розенкрайцером Б. Зубакиным, через два месяца освободили после хлопот Бориса Пастернака и Максима Горького, но в 1937-м снова арестовали вместе с сыном Андреем Трухачевым, якобы за причастность к «Ордену Розенкрайцеров», созданному Зубакиным. В 1938-м приговорили к 10 годам лагерей за «контрреволюционную пропаганду и агитацию...».

После реабилитации, получив свободу передвижения, Анастасия Ивановна в 1960-м первой отправилась в Елабугу искать могилу знаменитой сестры. Ариадна Сергеевна ехать с ней отказалась, говорила, что «там матери нет, она в стихах, в книгах» (1). Анастасия Ивановна ходила на кладбище в Елабуге «от могилы к могиле, нагибаясь, стараясь угадать, почувствовать» (1) родные кости. Но ничего не почувствовала, все могилы казались одинаковыми. Они поросли кладбищенской земляничкой, в точности как предсказывала Марина Ивановна в стихотворении «Прохожий»: «Сорви себе стебель дикий / И ягоду ему вслед, / Кладбищенской земляники / Крупнее и сладче нет...» Анастасия Ивановна удивлялась точности поэтического предсказания, на самом деле ничего необъяснимого тут нет: все поэты и прозаики такого масштаба, как Цветаева — немного визионеры, они могут смутно видеть картины из прошлого и будущего: «Знаю все, что было, все, что будет, / Знаю всю глухонемую тайну, / Что на темном, на косноязычном / Языке людском зовется — Жизнь».

Анастасия Ивановна хотела сделать эксгумацию тел, похороненных в этом месте, но сообща решили, что не надо этого делать. Поставили металлическую дощечку с надписью: «В этой стороне кладбища похоронена Марина Ивановна Цветаева...», которую через десять лет заменили на большой гранитный памятник с той же надписью. В 2000 году гранитное надгробие окружили плиткой и висячими цепями, по решению писателей Татарстана. Теперь в Елабуге организовали Мемориальный комплекс, историки спорят, где все же точно могила Марины Ивановны...

В Тарусе с 1962 года усилиями Семена Островского пытались установить камень с цитатой из рассказа Цветаевой «Кирилловны»: «Тут хотела бы лежать Марина Цветаева». Но против были Ариадна Сергеевна, Эренбург, Паустовский, которые входили в «цветаевскую комиссию». Позже камень все-же установили, ведь Марина Ивановна черным по белому написала: «Я бы хотела лежать на тарусском хлыстовском кладбище, под кустом бузины... Но если это несбыточно... я бы хотела, чтобы на одном из тех холмов, которыми Кирилловны шли к нам в Песочное, а мы к ним в Тарусу, поставили, с тарусской каменоломни, камень: «Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева». Много раз Марина Ивановна говорила: «Таруса, Коктебель, да чешские деревни — вот места души моей». Здесь она была счастлива.

2017-2018

Библиография:

1. Анастасия Цветаева «Воспоминания» (Издательство «Изограф», 1995)
2. Виктория Швейцер «Быт и бытие Марины Цветаевой» (Москва, «СП ИНТЕРПРИНТ», 1992)
3. Райннер Мария Рильке, Борис Пастернак. Марина Цветаева «Письма 1926 года» (Москва «Книга», 1990)
4. Ирма Кудрова «Версты, дали... Марина Цветаева: 1922-1939» (Москва «Советская Россия», 1991)
5. Ирма Кудрова «Последнее «дело» Сергея Эфрона» («Звезда» №10, 1992)
6. Мария Белкина «Скрещение судеб» (Москва «Книга», 1988)
7. Марина Цветаева «Полное собраний сочинений в одном томе» (Москва, Издательство «Альфа-книга», 2010)
8. Марина Цветаева «Собрание сочинений в семи томах». Том 7. Письма. (Москва «Эллис Лак», 1995)